

Для Русской Армии.

Надъ Вислой.

Съ душою, полною слезъ и мести,
Героевъ подвиги пою,
Полегишихъ тамъ, на полѣ чести,
За славу родины въ бою...
Туда, гдѣ дилитъ пиръ кровавый,
Груста, мечты мои летятъ,
Гдѣ знамена родины славы
На нивахъ смерти шестельятъ,—
И мѣсяцъ тусклый молчаливо
Глядитъ на блѣдныя снѣга,—
Во мглѣ, гдѣ Висла сиротливо
Въ нѣмые плещетъ берега...

Валерьянъ Т.

ВОЙНА.

Государь Императоръ посетилъ Тулу.
По сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, продолжаютъ упорные бои на прежнихъ фронтахъ. Штабъ кавказской арміи сообщаетъ, что 19 ноября наши войска заняли съ боя Сарай и Выхакала. На западномъ театрѣ войны боевъ перемѣнилъ. На правомъ флангѣ союзники продвигаются къ Альтрихену. Изъ Гаага сообщаются слухи объ очень успѣшномъ нападеніи авіаэкипажей на заводы Круппа въ Эссенѣ.

Петроградскіе отклики.

Русское сердце.

Странно живется теперь въ Петроградѣ. Выше какъ будто ничего не случилось; по прежнему горитъ блестящимъ фейерверкомъ нарядная Невскій, въ центрѣ гудитъ флангурующая густая толпа, въ магазинахъ по старой привычкѣ «последней новинки» Парилка и Лондона, театры переполнены, съ площади до площади слышенъ ресторанный шумъ. Война гдѣ-то далеко, за сотни пересты, крылья смерти мало коснулись стальныхъ. Нить зады (бросовые) въ глаза масокъ раненыхъ, лишь парадная проведутъ послѣ побѣдоносныхъ сраженій кучку пѣльмихъ съ одного вокзала на другой на громыханіи тяжелой груженыхъ съ орудіями. Правда, меньше стало военныхъ: не видно пестрыхъ крашевыхъ фуражекъ гвардейскихъ офицеровъ, почти рѣдкость свѣтлая пилесъ—сѣрое солдатское сукно не замѣтны въ толпѣ, оно сирочно прачется въ общей массѣ.

Но если невидимый остался въѣздный обликъ Петрограда, за то во всю необъятную ширь развернулось его русское сердце, сжавшее раньше подъ напосомъ войны чопорности, сухости, замкнутости. Петроградъ сдѣлалъ въ провинціи за безднухъ, холостой, чуждый увлеченій, разсудочный, далекий отъ переживаній остальной Руси горю; ему всегда противопоставлялись Москва, какъ образецъ чуждости, засиженъ она и казалась сердцемъ Имперіи. Такъ-то это—спорить трудно. Вѣрно лишь одно: несекая столица уступала Первопрестольной въ размахѣ, въ яростѣ жеста, вѣломъ скептицизма покрывала лучшія движимы души своей; Петроградъ перемѣтилъ отдаленіе на боевое народное горе, щедро помогая всѣмъ смирять и несчастнымъ, не дѣлалъ это безъ московской шумливой утайки, съ откровеніемъ бюрократическаго пропона на устахъ. Подобная искусственная маска могла держаться лишь до тѣхъ поръ, пока русской души, а нѣтъ всегда была напоенъ Петроградъ, подчиненный давлению иностранщины, ивечнымъ, которая все сильнѣе давала знать себя на берегахъ Невы.

Грозная гроза, пролившаяся въ воздухъ и во всю развернулось отзывчивое мягкое сердце столицы.

Не проходили дни, чтобы не устремлялся въ Петроградъ какой-либо сборъ, а вчерашній съ десяткомъ благотворительныхъ инициативъ, спектаклей, лекцій; и вѣсело плыло, все давало отъ души, несколько не брижа на безднухъ сбирочныхъ, смѣло вхолаживая въ канцелярскія кабинеты сановниковъ, въ частные дома, учебныя заведенія, рестораны, лондонскія—куда хотѣло... Вѣсело они иныя гости, нѣтъ ихъ просьба не встрѣчала отказа. Просить на полнѣхъ бѣжнцахъ—должно дать, бѣдные, какъ пострадали... Собираются на Красный Крестъ—свѣтло дѣло, каждый обязанъ помочь, предлагаютъ театральныя билеты въ пользу семей воиновъ—стыдно отказываться, люди умиряютъ за насъ и т. д., и т. д. Вотъ разсудочный столичный обыватель; онъ даетъ и даетъ, внутренне удерживая себя, что онъ эгоиста, честный ехуаръ, корыстный смугленъ.

Какой-то милошество, лаской дышитъ теперь Петроградъ. Реалистическіе стѣны петроградскіе: тѣсно въ стѣнчичихъ храмахъ, на улицѣ интеллигентнаго вида прохаживаютъ готовые предъ церковь—раньше-то считалось это привилегіей—простонародья.

Тепломъ вѣетъ отъ флаговъ съ крестомъ надъ лазаретами, унылымъ, красноту полнѣхъ вѣетъ въ легонисленную толпу сиротливой повзала сестры милосердія. Не вѣсело уступается мѣсто въ травѣ военному, парадно-бѣлая барыня оживленна бесцельно съ тривной, деревенскою бабкой—у обывахъ мужа на войну, у обывахъ одинъ горести и печали. Духъ взаимнаго утѣшенія, братскаго участія въ скорби ближняго охватываетъ всю столицу, чувствуется онъ даже въ мелочахъ.

Работники почтенности отбѣиваютъ удивительный подъемъ патерности въ средѣ столичнаго простонародья, мягкость, деликатность въ отношеніяхъ между собой, любовную помощь нуждающемуся сосѣду, уменьшеніе дракъ, ссоръ, споровъ. Въ пѣточкахъ кварталахъ образовалось нѣчто подобное кооперативамъ, члены которыхъ дѣлаютъ другъ съ другомъ чуть ли не по-сѣмѣйски грѣшныя или съ трудомъ поученной случайной работой, поддерживаютъ

семейства запасныхъ добровольцами отпущенными и все дѣлается безропотно, терпѣливо, скромно, покойно. До войны въ захолустныхъ окраинахъ всякая квартира съ угловыми жильцами наводила ужасъ не однимъ картинками нищеты и людского горя; болѣе дѣлалось свѣжому человеку и потому, что были по нервамъ пороки бѣдности, безропотно поуживотного проанализированія сердца человеческого. Въ лучшемъ случаѣ встрѣчи здѣсь фантастичны, озлобленныя притоны всѣхъ ситоживущихъ; нѣтъ рѣчи, дикая, безумная невинность производила еще болѣе отталкивающее впечатлѣніе, чѣмъ пришибленная, забитая покорности молчаливость и покорившихся своей участи.

Сейчасъ бѣдность, житейское выживание, осталось, можетъ быть, прежне.

За то любовь, новая свѣтлая сила озаряла эти окраины; легче стало дышаться въ угловыхъ грязныхъ квартирахъ, чѣмъ вѣсело сдѣлалось прибѣжище къ дому обитателяхъ ихъ, въ противостояхъ чисто вышитымъ негодомъ ярче заговорили драматичныя раньше звучныя струны души.

И три съ лишнимъ года чѣсто поспѣваю дѣлать рабочія улицы Петроградской стороны въ качествѣ члена мѣстнаго попечительства, присматривая къ бытовымъ условіямъ, въ которыхъ живутъ мѣстные бѣдняки. Сравнѣвая недавнее прошлое съ переживаемымъ настоящимъ, плазаетъ не въ лучшую сторону! Это не субъективное чувство, а общій голосъ людей, знающихъ, хотя немного жизнь жителей окраины. Нѣтъ тѣхъ побѣдъ между жилищами, что три мѣсяца назадъ каждый вечеръ повторялось въ любой квартирѣ, не слышно плачущей брани, свѣсившей съ рингита утра въ воздухъ, падаю до минимума хулиганство, болѣе чѣмъ на три четверти уменьшилось число самоубійствъ. Объяснить такую перемену въ психикѣ народной одной запретишелью трезвости нѣсколько одностронне. Запрещеніе продажи водки сыграло, безъ сомнѣнія, огромную роль, но едва ли не болѣе значеніе оказало само нережденіе духа народа. Все, что было дурного въ его міровоззрѣніи, въ его духовномъ складѣ, возрылихъ, все это забало бурной струей, сметая на своемъ пути грязныя осколки повседневной изнанки быта нѣмныхъ пизовъ.

Высокая христіанскія начала, заложенная испоконъ вѣковъ въ русскому народу, сердце, много временно приумолкло, заглушено подъ давленіемъ нѣмнѣега миража, было-то марксистская пропаганда, баптистскія проповѣди или мертвящая пролетарская канцелярщина. Но такая апатія должна была исчерпана сама собой, развѣ вѣдѣній толчекъ споспѣхъ негодный покровъ; толчокъ дала война и кроткая, душевная красота Руси развернулася въ своей необъятной широтѣ. Въ столицѣ, съ ея острыми бытовыми контрастами, минулы жизни были замѣтны, тѣмъ въ провинціи. За то въ ней же рѣзче, отчетливѣе чувствуется и свершившійся уклонъ въ лучшую.

Чуткость, сердечная теплота, смиреніе, пламенная нѣра въ высокую мисію Руси, ея силу и мощь, любви въ ближнему и неуряду движутъ сейчасъ нашимъ народомъ. Эти проявления народной души не могутъ не дать побѣды родной землѣ, побѣды не только надъ вѣнчичимъ врагомъ, но и надъ коренными домашними нестроениями.

Петроградскѣ.

СОВѢТЪ О МИРѢ.

(Фантазія, очень близкая къ действительности).

Въ большую конференцію—завтра медленно входитъ Императоръ и останавливается въ глубокой задумчивости надъ столомъ.

Видѣлъ...
Пришла зима... ужъ близость новый годъ,
Сто двадцать дней прошло войнѣ ужасной,—
Успѣха нѣтъ!... Какъ рыба бѣдетъ обь ледѣ,

Мечусъ вездѣ и говорю напрасно!...
Учу гримить, рубить, опустошать,
О доблести тверзю своимъ тевтонамъ;
Разсудку вопреки и вопреки законамъ!
И всѣ права согласенъ нарушать...
Напрасенъ трудъ!... Сказкой стоятъ французы,

И все грознѣе подходитъ Альбионъ,
Россія нѣтъ давно готова къ умъ,
И я къ стѣнѣ прижмусь со всѣхъ сторонъ!

(Медленно прохаживая по залу и картуя остатками вѣтра громахъ зеркала, въ которомъ ясно отражается вся его фигура).

И это ты?... Съ потухшими очами,
Сотрунѣвшій, покрытый снѣгомъ?
Что печенны ты побѣдичныя губами,
Гдѣ твой алмазъ, гдѣ нѣтъ твой боевой?

(Отвѣчаетъ).
Но вѣтъ, никто печальнымъ и собственнымъ
Растеряннымъ не дождетъ зрѣть меня!
Не дождетъ знать народъ, доверѣя храни,

Что я смущенъ сомнѣніемъ презрѣннымъ,
Въ Австралію готовъ бѣжать порой,
Не сплю ночей, всѣ планы нѣмныя,

Во всѣ концы сую кулакъ стальной,
И генераловъ, какъ собакъ, гоню!...
(Главная дверь залы медленно отворяется. Входитъ канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ. Видѣлъ, быстро измѣнившимъ угнетенное выраженіе лица, выпрямляетъ спину и строго смотритъ на смущенное лицо канцлера).

Видѣлъ...
Ну, что, мой другъ, поговорили въ рейхстагѣ,
И рѣшѣ духъ упавшій оживилъ?
Упомянули ты о ключѣ бунта,
И намъ сохлѣ немного обѣщалъ?

Бетманъ-Гольвегъ.
Съ усердіемъ, о канцлеръ, видѣтъ Богъ,
Я говорю въ угрозымъ депутатамъ.
Смигачу, крикну, все освѣщала, какъ
И прибѣгалъ къ подписткамъ и западтамъ...

Кой-какъ еще мы держимся, хотя
Максимиліанъ-Гарденъ намъ подгадываетъ.
Въ своихъ статьяхъ ученыхъ не шутитъ,
Сериозную машину я наладилъ.
На Англію съ Россіей всю вину
Свалю легко за тяжкую войну,
Заговорилъ о чести и правѣ,
Германія невинностию доказала,
Къ терпѣнью великому зывалъ
Напоинилъ нѣмъ о нашей прежней слабости...

(Видѣлъ, покачиваясь головою и горько улыбаясь).
И защитникъ проситъ до крайности страну...

Ведя всю рѣчь спокойно и толково,
О прежнемъ я не упоминаю ни слова;
Не воспѣвалъ захватную войну,
Не общалъ прогукать къ Петрограду
Въ Парижѣ нѣмъ не общалъ обѣдъ.
И... вѣсто всѣхъ крушительныхъ побѣдъ

На небесахъ лишь посудилъ награду!...
Видѣлъ...
А какъ, мой другъ, замѣтилъ ты кругомъ
Вся себя въ рейхстагѣ депутатамъ?
Смущеніемъ немалымъ, чадъ, обѣщанъ,
Тамъ много уже вертѣтъ хвостомъ?

Бетманъ-Гольвегъ.
Не скрою я... нѣме, какъ осы
Сидятъ себѣ и хлапоутятъ ушами,
Нѣме же срываютъ зубами
И въ гудѣній души, какъ видно, злы.
Но все-же я замѣтилъ радъ,
Что терпятъ всѣ, кто жмется и крахтитъ...

Канцлеръ Видѣлъ и канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ нѣкоторое время молча смотрѣли другъ на друга, и потомъ канцлеръ замѣтилъ, какъ римскіе авгуры, хорошо знающіе тайну своихъ пизовъ.

Видѣлъ...
Ну хорошо... мы здѣсь наединѣ,
Съ тобой, старикъ, всегда мы были друзьями;
Какъ думаешь, что нѣтъ дѣлать мнѣ,
Какіе фокусы и фокусы намъ нужны?
Подумай, братъ, ты глубока, какъ змѣя,
Какъ безъ Варшавы намъ, безъ вѣнчичи

Хотѣла какою сохранить престижа?
Заранѣе на все согласенъ ли?

Бетманъ-Гольвегъ (задумавшись).
Ахъ, что и говорить, насъ сильно потрѣпала,
Совоизну-жь почти разбилъ въ прахъ...
Теперь она во всѣхъ своихъ бокахъ
И въ нашей помощи поправится едва-ли!...
Заговорили о мирѣ, но не такъ.
Какъ намъ посолье въ Соединенныхъ Штатахъ...

Канаду онъ встревожилъ всю, дуракъ,
И вывалъ рѣчи бурный въ палатахъ...
Видѣлъ...
О мирѣ? Ухъ, мы сильно насознали,
И знаю я, что думать о насъ...
Давно ли въ Таймсѣ громко говорили
Какъ намъ миръ предпослать сейчасъ?..
Игонять Круппа, отбуреть всѣ пушки,
Похерять мой любимый славный флотъ.
Вѣ капиталы ахнутъ до послѣднихъ...
Согласенъ насъ ловко обертѣть!...

Да и меня, о канцлеръ мой любимый,
Какъ Рейфуса ушлетъ на островокъ...
(Видѣлъ, сильно возмущенный, бѣгаетъ и бѣгаетъ къ нѣмому прилаву).

Ужъ ударъ такой неотразимый!
Готовить нѣтъ нѣмнѣега Ротъ!...

Бетманъ-Гольвегъ.
Хм, хм... оно, конечно, страшновато...
Но, можетъ быть, удастся какъ нибудь,
Намъ Австрію подъ пожу подтолкнуть,
И пусть она все понесетъ, расплату.
Хе, хе... ее мы ловко поведемъ,
Все сваливъ на нее—несчастная старуха,
Лишенная давно чутка и слуха,
Пусть треснетъ по всѣмъ швамъ кругомъ.
Частину мы уступимъ, тѣмъ, для виду,
Но Бельгію оставимъ при себѣ!
Чтобы ее въ сѣ горестной судьбы...
И слабости не дать совѣсть въ обиду...
Подумаемъ, покрывши головою,
Миръ поверю, хотя ужъ много враговъ,
Миръ хочеть быть обманутъ... такъ едва-ли
Онъ устоитъ, замушеченъ борьбой!...

Видѣлъ (слушаетъ, улыбается, потомъ, сдѣлавъ изъясненіе на портретѣ Бисмарка, восклицаетъ).
Смотри, смотри, онъ какъ-то смѣется
И зубъ желтые оскалѣлъ не шутя...
Мнѣ дурно... охъ... какъ сильно сердце бьется...

Я ослабѣлъ, я робокъ, какъ дитя!...
(Опускается въ кресло).

Бетманъ-Гольвегъ (сидитъ, глумливо смотритъ на Видѣла).
Мужайтесь, канцлеръ, и портретъ сейчасъ,
Который онъ смутитъ такъ неспроста,
Оборочу къ стѣнѣ... такое дѣло
Привично мнѣ... Безтрепетно и снѣло
Морочу я давно честный народъ
И всѣ дѣла верчу наоборотъ...

Ю. Кинъ.

Государь Императоръ на поляхъ
Славныхъ боевъ подъ Ивангородомъ.

(Изъ дневника военнаго корреспондента «Рус. Нов.»).

31 октября. Козенцихъ лѣсъ—центръ
расположенія противника подъ Ивангородомъ.
Крѣпостная артиллерія, несомненно,
анализъ отъ: вокругъ тысячи сдѣловъ
артиллерійскихъ снарядовъ.

Много буръ перенесъ на своемъ вѣку
старый Козенцихъ лѣсъ. Но такую бурю,
какую во время ивангородскихъ боевъ,
урганъ снѣга и жѣлѣза, ему пришлось
не испытать, надо полагать, впервые.

Около часу Его Императорское Величество
изволилъ обходить итѣмные окопы,
выслушавъ дѣлаемые командантомъ Ивангородъ
генералъ-майоромъ Шварцемъ объясненія.

Осмотръ уже приближался къ концу,
когда преставилась сабужная картина.

Въ одномъ изъ германскихъ окоповъ
устроено человеческое жилище. Окопы
расширены; въ одномъ изъ его отбѣвчичей
устроены очаги, на которыхъ стоятъ
дымшіеся горшки, рядомъ, въ окопѣ-же стоить
табуретка и домашняя утварь. Возлѣ этого
оригинальнаго жилища стоить сдѣловъ старикъ
крестьянинъ, позлѣ него дѣвушка лѣтъ семнадцати и мальчикъ лѣтъ семи.

Этотъ мѣстный крестьянинъ. Снарядами
разрушило его жилище, и онъ временно
устроился въ окопѣ.

Его Величество подходитъ къ старикъ
и спрашиваетъ, былъ ли онъ здѣсь во
время боя?

—Былъ, Ваше Императорское Величество!—
отвѣчаетъ съ глубокимъ поклономъ старикъ.
—Нѣмцы сильно обидѣли меня: Зарѣзали
корову и сѣна. Собака у меня была хорошая,
вѣзла ее зарѣзали. Ты, говорятъ,
шпекъ (шпигель), твою собаку застѣ, показываешь
русскимъ, гдѣ находится наша войска. Ваше Императорское Величество!
продолжаетъ, низко кланяясь старикъ.

—Не оставьте Вашей милостью, не дайте
имъ съ дѣтми безъ крыши, прикажите
выдать казеннаго дѣлу на избу.

Его Величество тутъ же повелѣлъ
исполнить просьбу старика и, кромѣ того,
посоветовалъ ему сто рублѣй.

У старика крестьянина и у дѣвушки
отъ счастья текутъ слезы изъ глазъ. И
только мальчикъ, заснувшій пахлѣтъ въ
ротѣ, съ любопытствомъ разсматриваетъ
незнакомыхъ людей.

Снова мчатся автомобили. Подъѣзжаютъ
къ окопу въ дер. Бржезинѣ. Какъ и
вчера въ Опатовѣ, у входа громадная толпа
окрестныхъ крестьянъ и сѣнѣвъ въ
облаченіи съ престомъ въ рукахъ. Ксендъ
привѣтствуетъ Государя Императора рѣчью.

—Тяжелое время пережили и переживаемъ
мы, всѣ здѣсь собравшіеся! говорить
ксендъ. Но въ то же время мы гордимся
что на нашихъ поляхъ, возлѣ нашихъ жилищъ,
доблестная войска Гашего Императорскаго
Величества нанесла еще одинъ
жестокій ударъ нѣмцамъ!

Костель въ Бржезинѣхъ только-только
отстраивался. Онъ еще ороженъ дѣлами.
Нѣмцами снарядима проба грандиознаго
бросить въ юго-западную стѣну. Совершенно
слѣда нѣтъ башенки. Гораздо сильнѣе
пострадали постройки въ костельномъ
дворѣ. Домъ ксендъ представляетъ форенное
рѣшето. Оно просвѣтлѣваетъ насквозь.
Одинъ сарай рухнулъ, снѣдъ по-
пасть въ фундаментъ; на другомъ спешенъ
крыша.

—А вотъ тутъ, сейчасъ за огородомъ,
доказываетъ Его Величество ксендъ, проношетъ
горячій пылающій бой. Часа три
были. Нѣмцы не выдержали, стали отходить;
русскіе за ними. А тутъ остался
цѣлый рядъ убитыхъ и раненыхъ.

Изъ Бржезинъ направляемся обратно,
въ крѣпость.

По дорогѣ, у переѣзда черезъ жѣлѣзную
дорогу натѣкаемъ на групу пѣльмихъ
австрійцевъ. Человѣкъ сорокъ, въ
сѣрѣ-бѣлыхъ, похожихъ на гимназическія,
пиджачикъ, пиджачикъ жѣлѣзнодорожного
полотно. Вокругъ нѣсколько конвойныхъ
съ винтовками. Завидѣвъ автомобили,
старшій громко командуетъ:

—Смирно!

Австрійцы, какъ одинъ, вытягиваются
и приподнимаютъ руки въ кзыргаческія
казни.

Въ крѣпости Царскій автомобиль оста-
навливается у здания Ивангородскаго мѣстнаго
лазарета. Встрѣченныи медицинскіи
персоналомъ съ помощникомъ Верховнаго
Санитарнаго Инспектора, генералъ-адъютантъ
Тропачевъ по глави, Государь
Императоръ обходитъ палаты лазарета, гдѣ
находятся раненные въ боюхъ подъ Ивангородомъ.

Его Величество останавливается рѣшительно
у каждой койки, выслушиваетъ
объясненія старшаго врача палаты, позлѣ
мѣстнаго бесѣдуетъ съ ранеными.
Большинство изъ нихъ тутъ-же жалуются
Георгіевскіе кресты и медали за храбрость
на георгіевскую ленту.

На виду нѣтъ косякъ мальчикъ. Не только
по виду, но и по гудамъ,—недавно 16 лѣтъ
использова. Лицо совершенно посвоеное
сформированъ налетомъ. Цѣны глубоко провалились.
Носъ и подбородокъ неестественно
заострены и выдвигаются далеко впередъ. Громкимъ,
округленнымъ глазомъ изорочиво
блестятъ. Ротъ тяжело. Надежды на выздоровленіе
почти никаковы.

Этотъ добровольецъ, гимназистъ 6 класса.
Когда вѣнчичій полкъ, стоявшій въ родномъ
городѣ, собрался уходить на войну,
гимназистъ занялъ родительскими:

—И я съ ними поеду!

Сколько родителей ни отговаривали,
сколько ни упрямилъ поступить раньше
въ военное училище и уйти на войну офицеромъ,
ничего не помогло. Мальчикъ упрямился
стоить на своемъ:

—Что офицеромъ, что пѣльмихъ чинкомъ,
—все равно, нижніе чины тоже нужны. Я
здоровъ, уху хорошо стрѣлять, поеду сейчасъ!

Въ сѣдущей палатѣ, у постели одного
изъ раненыхъ врачъ доказываетъ Его Величеству:

—Рядовой такой-то, поступилъ 11 октября,
раненъ въ голову. Все время находится
въ полубессознательномъ состояніи. Говоритъ,
но бессвязно. На вопросы отвѣчаетъ
непонятно.

На вопросъ Государя Императора, какою
онъ полка,

—Нѣ-скаго пѣхотнаго полка. Ваше Императорское Величество!—совершенно ясно
отвѣчаетъ раненый.

Сестра милосердія и докторъ изумленно
переглядываются.

—Первый разъ со дня прибытія!—смущенно
доказываетъ докторъ.

—Какъ его фамилія?

И на этотъ вопросъ солдатъ отвѣчаетъ
совершенно точно.

Его Величество проходитъ въ сѣдущую
палату, а сзади докторъ, разводя руками,
повторяетъ:

—Подъемъ! первый! Подъемъ! первый!
Больше ничѣмъ объяснить нельзя.

Въ послѣдней палатѣ лежатъ женщины
и дѣти изъ дер. Опатово. Во время
бомбардировки онѣ укрывались въ костель.

Понавѣшимъ въ костель снѣдъ нѣсколькимъ
человѣкъ было убито и около двадцати
человѣкъ ранено.

Послѣтъ лазаретъ, Его Величество верну-
лся въ Царскій полкъ, гдѣ состоялся
завтракъ. Послѣ завтрака снова поѣздка
на передовые опорные пункты въ деревни
Губаиово и Калшторна Воля.

Около одиннадцати часовъ вечера Императорскій
полкъ отомѣлъ отъ Ивангородской
крѣпостной платформы.

Въ Варшавѣ.

Замѣстившій барона Корфа въ должности
варшавскаго губернатора вице-губернаторъ
Гресеръ опубликовалъ слѣдующее
объявленіе:

«Въ виду полученныхъ свѣдѣній о томъ,
что заопамѣренныи лица стали распространять
слухи, будто Верховнымъ Главнокомандующимъ
взаты обратно обидѣли, выраженные въ
возвращеніи къ полякамъ, объявлено
населенію Варшавской губерніи, что слухи
эти о перемѣнѣ, пропущенной, будто-бы,
въ возмѣнѣхъ Верховнаго Главнокомандующаго,
не имѣютъ никакого основанія».

«Варшавскій Диспетчъ» въ номерѣ отъ
17 ноября сообщаетъ:

«Вчера, около 11 часовъ ночи, неизвестные
заумышленныи пытались взорвать памятникъ
на Зеленой площади. Подозрѣваемый въ
причиненіи ему незначительнаго поврежденія».

Памятникъ этотъ соорудилъ русскимъ
въ честь тѣхъ поляковъ, которые въ 1831
году остались вѣрными русскимъ.

Осада Перемышля.

Желѣзное кольцо нашихъ войскъ, пишетъ
кор. «Рус. Сл.», все тѣнѣе сжимается
вокругъ укрѣпленій Перемышля. Первые
времена гарнизонъ держался бодро, часто
производилъ отчаянныя вылазки. Теперь
энергія австрійцевъ упала до минимума.

Самый нѣежный моральное впечатлѣніе на
неприятеля произвело взятіе первой линіи
укрѣпленій.

ХХХИ ГОД ИЗДАНИЯ.

ВОКРУГ СВЪТА

Подписчики получают въ 1915 году, кромѣ 36 №№ Журнала:

Въ 1 абонементѣ:
 ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
 романовъ, повѣстей, драмъ, избранныхъ историческихъ сочиненій и стихотвореній.

36 КНИГЪ
 (ПОСЛѢДНІЕ
 ИЗДАЧІЕ).

ВИКТОРА ГЮГО

Во 2 абонементѣ:
 12 сбор-
 нинъ „**МІРОВАЯ ВОЙНА**“
 въ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ.

12 КНИГЪ СОЧИН.
3 РЕКЛЮ
 БОГАТЫЯ ИЛЛЮ-
 СТРИРОВАННЫМИ

БРЭТЪ-ГАРТА.
„НАРОДЫ и СТРАНЫ“
 ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

Въ 3 абонементѣ:
 „**ВОЙНА**“ и 12 кн. сочин. **Э. РЕКАЮ**

Всѣ приложения къ I и II абон., а именно: 36 кн. полнаго собр. соч. **В. ГЮГО**, 12 кн. собр. соч. **Б. ГАРТА**, 12 сборникъ „**Міровая война**“ и 12 кн. сочин. **Э. РЕКАЮ** „**Народы и страны Западной Европы**“.

Подписная ЦѢНА
 для I и II абон. — 3 р. при полн., 2 р. къ I арт. и 2 р. къ I полн.,
 для III абонем. — 5 р. при полн., 4 р. къ I арт. и 3 р. къ I полн.

на годъ: I и II абонем. по 7 Р.; III абонем. 12 Р.

Допускается разсрочка редакціонной платы:
 для I и II абон. — 3 р. при полн., 2 р. къ I арт. и 2 р. къ I полн.,
 для III абонем. — 5 р. при полн., 4 р. къ I арт. и 3 р. къ I полн.

Подписчики I абон., заключивъ при подпискѣ а денежныя плате-
 жѣ, имеютъ 30 кн. соч. В. Гюго, 12 сборн. къ трѣмъ приложениямъ
 абонем. по одному экз. — 16 р. 3 р., къ I арт. 3 р., къ I полн. 3 р.
 и 12 экз. сочин. Э. Рекаю.

Контора журнала „Вокругъ Свѣта“: Москва, Тверская, домъ № 48.

Подробный иллюстрированный проспектъ высылается бесплатно.

ИЗДАНИЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Кіевское Отдѣленіе
Петроградскаго Столичнаго Ломбарда
 принимаетъ деньги на % подъ весели, срокомъ на 12 мѣсяцевъ.
 6% годовыхъ, проценты выда-
Платить ются черезъ каждые 3 мѣсяца. 113-Р-10902